

АРХИТЕКТУРА ПЕПЛА

РОМАН

КОНСТРУКЦІЯ
СЛАБЕРА

КОЛОРИСТІКА
СЛАБЕРА

ПРОЄКТУВАННЯ
СЛАБЕРА

ВІСЬОТІВ
СЛАБЕРА

ІНШЕ
СЛАБЕРА

КОНСТРУКЦІЯ
МАСШТАБ
ПЛОЩАТЬ
ПЛОЩАДЬ
ПРОШНОВАНІ ПЛІТІНЬ

АРХИТЕКТУРА ПЕПЛА

РОМАН

Катерина Грей
Архитектура пепла

«Автор»

2026

Грей К.

Архитектура пепла / К. Грей — «Автор», 2026

В Риверсайде у каждого есть маска. Но у некоторых они прирастают к лицу. Элли Грей прибывает в элитную школу, чтобы спрятать прошлое. Джейсон Стерлинг — идеальный сын конгрессмена, живущий во лжи. Когда между ними вспыхивает опасная романтика, маски трескаются. Элли обнаруживает заговор за фасадом семьи Стерлинг. Джейсон понимает: Элли — ключ к тайне, что его отец хоронил годами. Гонки, хакерские атаки, семейные тайны и проект «Апекс» — система, что видит всё. Психологический триллер о лжи и предательстве, токсичных отношениях что исцеляют, и сильной героине с тёмным прошлым. Для тех, кто любит эмоциональные книги, что читаются на одном дыхании. Из пепла всегда восстаёт феникс.

© Грей К., 2026

© Автор, 2026

Катерина Грей

Архитектура пепла

Глава 1. Идеальный фасад

Январь в Риверсайде не приходил — он просачивался. Густой, свинцовый туман поднимался от Сильвер-Ривер, поглощая ржавые остовы кранов на Южном берегу и медленно полз вверх, к холмам Северного. Внутри особняка Стерлингов мир был герметичен. Тройные стеклопакеты превращали январский мороз в немое кино.

Джейсон стоял у панорамного окна второго этажа со стаканом воды, которую не собирался пить. Лёд растаял, оставив на пальцах лишь конденсат и неприятную влажность. Внизу, на безупречно выметенной подъездной аллее, тормозил потрепанный фургон переездной компании. Он выглядел как ржавое пятно на белоснежном холсте этого района. Как напоминание о том, что за пределами этого пузыря существует другой мир. Мир, где люди не улыбаются для камер. Где выживают, а не существуют.

— Они прибыли. — Голос отца прозвучал за спиной. Ровный, отполированный, без единой шероховатости.

Джейсон не обернулся. Он видел отражение мужчины в стекле: дорогой костюм, уверенная поза, улыбка, которую он тренировал перед зеркалом для избирателей. Та же улыбка, что была на лице матери за неделю до того, как она решила, что жизнь больше не имеет смысла.

Улыбка — просто мышечный спазм, подумал Джейсон, сжимая стакан так, что побелели костяшки. Ничего больше. Механизм. Как всё в этом доме.

— Я заметил, — сухо бросил он.

— Джейсон, пожалуйста. Сегодня важный день. Элли и Сара должны почувствовать себя здесь как дома.

— Это твой дом, отец. Не их.

Конгрессмен вздохнул, и в этом вздохе было столько же искренности, сколько в предвыборной листовке.

— Мы семья. Постарайся ради меня. Хотя бы сегодня без сцен.

Джейсон наконец повернулся. Он улыбнулся. Та самая улыбка — широкая, открытая, безупречная. Улыбка капитана футбольной команды, короля вечеринки, парня, у которого нет проблем. Улыбка, которой он научился, когда понял, что горе не вписывается в предвыборную кампанию. Что скорбь нужно упаковать в чёрный костюм и спрятать за двойными стёклами лимузина.

— Конечно, пап. Всё будет идеально.

Отец кивнул, удовлетворённый, и вышел из комнаты. Щелчок замка прозвучал как выстрел в вакууме.

Как только дверь закрылась, улыбка сползла с лица Джейсона, словно маска из дешёвой бумаги, пропитанная потом. Он выдохнул. Плечи, неосознанно напряжённые, чуть опустились. Он подошёл к столу, где лежали чертежи. Не школьные задания — его собственные эскизы. Проект убежища. Дом без окон, встроенный в скалу. Место, где никто не найдёт. Где не будет зеркал, напоминающих о тех, кого больше нет. Где стеклянные стены не выставляют боль напоказ.

Он провёл пальцем по линии крыши. Карандаш оставил серый след на белой бумаге, словно шрам.

Архитектура была честной, думал он, чувствуя знакомую тяжесть в груди. Треснул фундамент — падало здание. В жизни же все продолжали ходить по обломкам, делая вид, что пол твёрдый. Притворяясь, что не слышат, как под ногами хрустят осколки.

Внизу хлопнула дверь. Тяжёлая, дубовая. Звук поднялся по лестнице, вибрируя в стенах, принес с собой волну январского воздуха — холодного, пахнущего мокрой шерстью, дешёвым табаком и чужой тревогой.

Джейсон убрал чертежи в ящик, задвинул его с щелчком и направился к лестнице. Он должен был сыграть свою роль. Гостеприимный хозяин. Сводный брат. Хороший мальчик, который не задаёт вопросов о том, почему его мать оставила записку вместо прощания.

Пока на втором этаже застывала тишина, внизу входная дверь распахнулась, впуская в стерильный воздух сквозняк с реки.

Элли возненавидела этот дом, едва увидев ворота на вершине холма. Он давил — величием, деньгами, ожиданием благодарности за эту подачку. За то, что её вытащили из грязи Южного берега и посадили в золотую клетку, где даже воздух казался фильтрованным.

Она стояла в прихожей, сжимая ляжку своего рюкзака так, что костяшки пальцев побелели. Мать суежилась вокруг конгрессмена, смеясь слишком громко, слишком часто. Она пыталась вписаться в эту картинку, натягивая на себя чужую жизнь, как тесное пальто. Но Элли видела, как дрожат её руки. Как бегают глаза. Они были похожи. Обе сломанные, пытающиеся склеить себя чужими жизнями.

Мама думает, это спасение, поняла Элли, чувствуя, как холод просачивается под куртку. Она не понимает: мы просто меняем одну тюрьму на другую. Только здесь решётки позолочены.

— Элли, дорогая, познакомься, это Джейсон. — Мать повернулась к ней. В её голосе звучала мольба: *«Пожалуйста, не испорти всё. Пожалуйста, выдержи».*

Элли подняла взгляд.

Он спустился медленно, словно хищник, оценивающий территорию. Высокий, в простой серой футболке, облегающей мышцы лучше любой брони. Лицо красивое — слишком правильное, чтобы быть настоящим. Скулы, подбородок, линия губ — всё выверено. Но глаза... В них не было тепла. Только холодный расчёт и что-то ещё. Что-то, что Элли узнала мгновенно. Пустота. Та самая, что смотрела на неё из зеркал последние год.

Он тоже играет роль, пронеслось в голове. Мы все здесь актёры в плохом спектакле. И режиссёр — этот дом.

— Привет, — сказал он. Голос был ровным, без приветственных ноток. Слово он произносил не приветствие, а констатацию факта.

— Привет, — ответила Элли. Она не протянула руку. Её ладони всё ещё помнили грубую кожу Дэна и холод руля. Прикасаться к этому миру не хотелось. — Где моя комната?

Конгрессмен откашлялся, поправляя запонку. — Мы надеялись, вы сначала немного отдохнёте, перекусите... Дорога была долгой.

— Я хочу положить вещи, — отрезала Элли, не глядя на него. Она чувствовала, как под курткой ноет свежий шрам на спине. Феникс. Она сделала эту татуировку полгода назад, когда поняла, что боль нельзя стереть ластиком. Её нужно выжечь. Но огонь не сжёг прошлое. Он просто врос в кожу. Стал частью неё. Как шрам, который нельзя удалить, можно только научиться с ним жить.

Джейсон сделал ещё два шага вниз и остановился. Теперь они были почти на одном уровне. Он смотрел на неё сверху вниз, хотя стоял на ступеньке ниже. В его взгляде было что-то, что заставило Элли напрячься. Не агрессия. Узнавание.

— Тебе не понравится, — сказал он ровно, будто обсуждал погоду. — Там слишком тихо. А ты привыкла к шуму, да? К сиренам. К поездкам вдоль реки. К крикам за тонкими стенами?

Элли сузила глаза. Она почувствовала запах его одеколona — древесный, дорогой, с горьковатой ноткой сандала. Он маскировал что-то. Или, может быть, это просто её воображение. Может, всё, что связано с этим домом, было пропитано гнилью, скрытой за лаком.

— А тебе не понравится, что я вообще здесь, — парировала она, чувствуя, как поднимается знакомая волна защитной злости. — Так что мы квиты.

Мать ахнула, прижимая ладонь к груди. Конгрессмен нахмурился, в его глазах мелькнуло предупреждение.

— Элли!

— Всё в порядке, Сара, — перебил Джейсон. Он не сводил глаз с Элли. В его взгляде мелькнуло что-то странное. Не злость. Не презрение. Узнавание? Нет, это невозможно. Они из разных вселенных. Он — тишина. Густая, давящая, как в склепе. Она — искры. Короткие, яркие, опасные. И когда они встречались взглядами, тишина начинала трещать. А искры — разгораться.

Но в глубине его глаз она увидела то, что видела в зеркале каждое утро. Боль. Ту самую боль, которую нельзя показать. Которую нужно прятать за улыбками и сарказмом, пока она не сожжёт изнутри.

— Крыло слева, — кивнул он в сторону полутёмного коридора. — Но учти одно правило. Не входи в мою комнату. И я не войду в твою. Мы будем делать вид, что друг друга не существует. Договор?

Элли вскинула подбородок. Ей хотелось ударить его. Или закричать. Или просто сбежать обратно в машину и уехать туда, где Дэн ждёт её с вопросом про товар. Где всё было честно, даже когда было больно. Где правила были простыми: плати или страдай. Но здесь, в этом мраморном аквариуме, крик поглощался тишиной. Здесь боль была запретной. Здесь всё должно было выглядеть идеально.

— Мне не нужно твоё разрешение, чтобы дышать в этом доме, — сказала она тихо, но каждое слово падало на пол, как камень.

— Здесь нужно разрешение на всё, — ответил Джейсон. Его голос стал тише, почти интимным, так, чтобы родители не слышали. В нём прозвучала не угроза, а усталая правда. — Особенно на то, чтобы оставаться собой.

Он развернулся и пошёл обратно наверх, не дожидаясь ответа. Его шаги не звучали. Будто он учился ходить бесшумно, чтобы не нарушать хрупкий фасад этого дома.

Элли осталась стоять в прихожей. Она чувствовала, как вибрирует телефон в кармане куртки. Сообщение. Экран вспыхнул, выхватив из полумрака коридора знакомое, пугающее имя.

Дэн: Не думай, что переезд тебя спасёт. Я знаю, где ты. Верни долг.

Она сунула телефон глубже в карман, сжав его так, что металл впился в ладонь. Долг. Это слово преследовало её. Не только денежный. Долг за молчание. За выживание. За то, что она осталась, а другие нет.

В зеркале на стене она увидела своё отражение. Тёмные круги под глазами, вызывающий взгляд, куртка, которая казалась здесь униформой изгоя. И за спиной, в размытом отражении второго этажа, она почти видела его. Джейсона. Он стоял на площадке и смотрел вниз. Не на неё. На её спину. Будто знал, что там скрыто. Будто чувствовал жар чернил сквозь ткань.

Он что-то подозревает? Липкая мысль. Или это просто паранойя, которая не отпускает даже здесь?

Элли резко отвернулась. По спине пробежал холодок.

— Покажи мне комнату, — бросила она матери, проходя мимо конгрессмена. Её голос звучал чужим. Механическим.

— Элли, будь вежливее... — начала Сара, но Элли уже поднималась по лестнице.

Мраморные ступени были холодными даже через подошву кроссовок. Поднимаясь, она прошла мимо комнаты Джейсона. Дверь была закрыта. Тяжёлая, из тёмного дерева. Но из-за неё не доносилось музыки или голосов. Только тишина. Такая же плотная, как в склепе.

Что он прячет за этой дверью? подумала Элли, чувствуя, как сжимается горло. *Или кого?*

Она зашла в свою новую комнату. Большая, светлая, чужая. Белые стены, бежевый ковёр, кровать с безупречно заправленным постельным бельём. Ни одной личной вещи. Ни одного следа чьей-то жизни. Словно номер в отеле, где никто не задерживается надолго.

Она бросила рюкзак на кровать и подошла к окну. Внизу, на подъездной аллее, всё ещё стоял грязный фургон. Рабочие курили, смеясь. Их смех долетал до неё, но казался далёким, приглушённым толстым стеклом. Как звук из аквариума.

В стекле окна отразилась её комната. И за её спиной, в углу, мелькнула тень. Высокая. Неподвижная. Джейсон.

Элли резко обернулась — сердце ударилось о рёбра. Никого. Только пустой угол и дорогая лампа с холодным светом.

— Галлюцинации, — прошептала она, проводя ладонью по лицу. Кожа была влажной. — Усталость. Стресс.

Но чувство присутствия не исчезало. Будто дом уже решил, кто здесь хозяин, а кто — захватчик. И битва только началась.

Внизу хлопнула дверь машины. Тяжело, с металлическим лязгом. Это был не рабочий фургон. Элли прильнула к стеклу. Чёрный седан медленно отъезжал от обочины, чуть дальше по улице, растворяясь в январских сумерках, которые в Риверсайде наступали уже в четыре часа. Она знала эту модель. И она знала, кто обычно сидит за рулём таких машин в её старом районе.

Сердце пропустило удар, опустившись куда-то в желудок. Дэн не любил ждать. Дэн не любил, когда его игнорировали.

Элли схватила телефон. Пальцы дрожали, но она заставила себя набрать ответ.

Я верну. Дай мне время.

Ответ пришёл мгновенно. Три точки набора сменились текстом, от которого потемнело в глазах.

Дэн: *Время — деньги, малышка. А у тебя их теперь много. Не подведи.*

Элли выдохнула, чувствуя, как воздух выходит из лёгких, не принося облегчения. Она посмотрела на дверь своей комнаты. За ней был дом, полный чужих людей. Впереди — школа, где её уже ждали слухи и оценивающие взгляды. И где-то рядом, за стеной, — Джейсон, который смотрел на неё так, будто видел её насквозь.

Она подошла к зеркалу шкафа и немного приподняла футболку. Феникс на спине казался живым в полумраке комнаты. Чёрные перья, красные всполохи. Птица, сгоревшая заживо. Татуировка, которую она сделала после того, как поняла, что некоторые раны не заживают. Они просто становятся частью тебя. Меняют анатомию души.

— Только не сегодня, — прошептала она своему отражению. Голос дрогнул. — Пожалуйста, не сегодня.

Но в тишине большого дома её голос прозвучал как предупреждение. Как мольба, которую никто не услышит.

В коридоре скрипнула половица. Тихо. Осторожно.

Элли натянула футболку, резко шагнула к двери и распахнула.

Коридор был пуст. Свет из её комнаты выхватывал только пылинки в воздухе. Но в конце, у поворота к лестнице, мелькнула тень. Быстрая. Исчезающая. Тень человека, который держал в руках не телефон, а свёрнутый лист плотной бумаги. Чертёж.

Джейсон не уходил. Он ждал. Или следил.

И Элли поняла, стоя на пороге новой жизни: ненависть — слишком простое чувство для того, что зарождалось между ними в этом холодном, идеальном доме. Это было нечто хуже. Опаснее. Понимание. Понимание того, что они оба прячут свои шрамы под одеждой. Что они

оба играют роли, которые им навязали. Что они оба сломаны, просто по-разному. И что эта ломкость притягивает их друг к другу, как магниты, разворачивающиеся противоположными полюсами.

Она захлопнула дверь и прислонилась к ней лбом. Дерево было холодным.

Впервые за долгое время ей стало страшно не за себя. Стало страшно за него. За того мальчика за стеной, который носит маску, как и она. Который, возможно, понимает её лучше, чем кто-либо другой. Который тоже стоит на краю, просто прячет это за чертежами и улыбками. А это было опаснее любого долга. Опаснее любого Дэна. Потому что если он увидит её настоящую... если он увидит все шрамы, всю грязь, весь страх... Тогда ей негде будет прятаться. Маска спадёт. И останется только она. Настоящая. Уязвимая. Живая.

Внизу засмеялась мать. Звук был чужим, фальшивым, разбивающимся о мраморные стены.

Элли сползла по двери на пол и обхватила колени руками. Закрыла лицо ладонями.

Я не выдержу этого, подумала она, чувствуя, как подступают слёзы, но не давая им воли. *Я не выдержу быть хорошей девочкой в этом доме лжи.*

Но где-то в глубине души, под слоями страха и усталости, она знала: она выдержит. Потому что у неё нет выбора. Выбора не было с тех пор, как она впервые села за руль той ночью. Выбора не было с тех пор, как Дэн назвал сумму. Выбора не было с тех пор, как она вошла в эту дверь. Как и у него. И это знание, тяжёлое и неумолимое, связывало их крепче, чем любые семейные узы. Крепче, чем кровь. Крепче, чем ложь. Оно связывало их общей бездной.

Глава 2. Минное поле

Особняк Стерлингов стоял на вершине холма, словно каменный остров, отрезанный от мира пеленой январского тумана. Сильвер-Ривер внизу давно сковало льдом, но ветер с долины всё равно поднимался вверх, ударяясь в тройные стеклопакеты глухим, настойчивым гулом. Внутри столовой царил стерильная тишина, нарушаемая лишь тихим звоном серебра о фарфор. Здесь зима не имела власти. Здесь время застыло вместе с хрустальными подвесками люстры.

Длинный стол из полированного ореха блестел так, что в нём, как в тёмном озере, отражались дрожащие огоньки свечей и напряжённые лица. Сара, мать Элли, нервно поправляла льняную салфетку каждые три минуты, складывая и расправляя уголки, будто от этого зависело равновесие вселенной. Конгрессмен Стерлинг уверенно резал стейк, демонстрируя безупречные манеры, отточенные годами светских раутов и теледебатов. Каждый его жест был выверен, каждое движение — частью образа, который должен был работать даже за закрытыми дверями.

Джейсон сидел напротив Элли. Он лениво крутил серебряную вилку между пальцами, не притрагиваясь к еде. Его поза казалась расслабленной, но Элли заметила, как напряжены сухожилия на его шее. Будто он сжимал невидимый кулак под столом, сдерживая то, что рвалось наружу.

— Итак, — начал отец, откладывая приборы с тихим звоном. Голос прозвучал ровно, но в нём слышалась сталь. — Завтра первый день в новой школе. Элли, я уверен, ты быстро вольёшься. У Джейсона там много друзей, он поможет тебе сориентироваться.

Элли подняла глаза. В них читался не просто вызов — готовность к обороне.

— Мне не нужна нянька. Особенно такая.

Джейсон усмехнулся. Уголок его губ дрогнул — не в улыбке, в холодной, отточенной усмешке.

— Расслабься, Элли. Я не горю желанием таскать за собой новичка. Особенно того, у которого в личном деле есть пометки, требующие отдельной папки.

Вилка Сары с резким лязгом ударилась о фарфор.

— Джейсон, — предупредил отец, не повышая голоса, но тон стал ледяным.

— Что? Я просто констатирую факты. — Джейсон наконец отложил вилку. Его взгляд скользнул по Элли, холодный, оценивающий, как скальпель. — Переезд в середине семестра обычно случается по двум причинам: либо отец получил повышение, либо кто-то сбежал от проблем, которые не смог решить. — Он наклонился чуть вперёд. — Угадал?

Элли сжала нож в руке так, что побелели костяшки. Металл впился в ладонь. Ей хотелось вонзить его в столешницу. Или в его идеальную, спокойную руку. Но она заставила себя разжать пальцы. Дыхание стало ровным. Голос — тихим, но каждый звук падал на стол, как камень.

— А ты здесь по какой причине, Джейсон? Потому что любишь школу? Или потому что папа сказал, что капитан команды должен жить в этом доме для рейтинга? Чтобы фото в газете выглядело цельным?

Сара побледнела. Её пальцы дрогнули, задев бокал. Вино качнулось, но не пролилось.

— Дети, пожалуйста. Мы одна семья.

— Мы группа людей, вынужденных делить кухню и воздух, — парировала Элли. Она отодвинула тарелку. Аппетит исчез, растворившись в горечи. — Спасибо за еду. Я сыта.

— Ты даже не притронулась, — заметил Джейсон. В его голосе не было торжества. Только глухая усталость.

— Я не ем за чужой счёт.

— Технически, теперь это твой счёт тоже, — Джейсон откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Но не переживай. Попрошу отца вычитать из твоих карманных расходов. Если тебе вообще будут платить за просто так.

— Достаточно!

Голос конгрессмена прогремел под хрустальными подвесками, заставив свечи дрогнуть.

— Джейсон, извинись. Элли, присядь. Мы не закончили.

Тишина повисла тяжёлая, вязкая. За окнами ветер усилился, завыл в водосточных трубах, напоминая, что за пределами этого стеклянного кокона лежит Риверсайд. Город, разделённый рекой на тех, кто смотрит сверху, и тех, кто выживает внизу. Элли медленно перевела взгляд на Джейсона. И в этот раз увидела не злость. Не высокомерие. Она увидела усталость. Ту самую, глубокую, разъедающую усталость, когда ты слишком долго притворяешься кем-то другим. Когда маска приросла к лицу, а под ней уже не осталось кожи. Она узнала этот взгляд. Она видела его в зеркале каждый вечер, когда смывала косметику и оставалась наедине с собой.

— Приятного аппетита, — бросила она, вставая. Скрип стула прозвучал как треск льда.

Она вышла из столовой, не оглядываясь. За спиной слышался низкий, размеренный голос отца, говорящий о «терпении», «будущем» и «необходимости держаться вместе». И тихий, почти неслышимый смех Джейсона. Смех был пустым.словно эхо в заброшенном колодце.

Часы до вечера растянулись в тягучую, звонкую тишину. Дом жил своим замкнутым ритмом: тикали настенные часы в коридоре, ранние январские сумерки медленно заползали в окна, окрашивая паркет в свинцово-серый цвет. Никаких встреч. Никаких случайных касаний. Только невидимая стена между двумя комнатами второго этажа, которую оба тщательно охраняли.

Элли заперлась в своей комнате. Расстелила школьное расписание на кровати, проводя пальцем по строчкам, но не видя букв. Телефон лежал экраном вниз. Она проверяла его каждые десять минут. Ничего. Ни звонков. Ни сообщений. Только чёрное стекло, отражающее её напряжённое лицо. Тишина пугала больше угроз. Дэн умел ждать. Он умел давить молчанием, как январский туман давит на город, скрывая очертания мостов и берегов.

На другом конце дома Джейсон исчез в гараже. Металлические инструменты ложились на верстак с точностью часового механизма. Гаечные ключи, отвёртки, набор головок — всё выстроено по размеру, по назначению, по логике. Он не включал свет. Работал в полумраке, куда сквозь щели ворот пробивался холодный воздух с реки. Его руки двигались автоматически, снимая напряжение с плеч, с челюсти, с груди. Здесь не нужно было улыбаться. Здесь не нужно было притворяться. Здесь металл был честным: если деталь треснула, её заменяли. Не маскировали. Не делали вид, что всё в порядке.

Внизу, за бетонной стеной, глухо прогудел товарный состав, идущий вдоль южного берега. Звук, знакомый Элли до дрожи. Чужой для него.

Они двигались по параллельным коридорам. Две планеты на разных орбитах. Стараясь не пересекаться взглядами. Не касаться воздуха, которым дышала другая половина дома. Но гравитация уже начала работать.

Ночь опустилась на Риверсайд тяжело и рано. В четыре часа за окнами уже стояла густая, непроницаемая темнота. Ветер утих, оставив после себя звенящую неподвижность и лёгкий иней на стёклах.

Элли стояла под душем слишком долго. Вода обжигала кожу, смывая пыль дороги, запах чужого такси и липкое ощущение, что она шагнула в чужую жизнь. Она надеялась, что пар заполнит лёгкие, вытеснит мысли о Дэне, о долге, о том, что в этом доме за каждой дверью может скрываться ловушка. Но вода не смывала тревогу. Она только делала кожу чувствительнее, обнажая нервы.

Она выключила кран. Тишина ванной комнаты обрушилась на неё сразу. Капли стучали по акрилу, эхо разносилось по кафелю. Элли обернулась большим белым полотенцем, плотно прижав его к груди, и вышла в основное помещение, растирая мокрые волосы вторым полотенцем. Зеркало над раковиной запотело полностью от контраста горячей воды и январского холода, пробивающегося через вентиляцию. Она провела ладонью по стеклу, оставляя широкий, дрожащий след. В отражении мелькнуло бледное лицо, тёмные пряди, прилипшие к шее, и глаза — слишком большие, слишком внимательные.

Дверь резко распахнулась.

В комнату ворвался поток холодного воздуха из коридора. Элли вздрогнула, инстинктивно прижав полотенце крепче. Сердце ударилось о рёбра.

На пороге стоял Джейсон. Он был в серых спортивных штанах и тёмной футболке, волосы влажные, растрёпанные, будто он только что вышел из другого душа. Он не смотрел ей в глаза. Его взгляд скользнул по её мокрым ногам, задержался на ключицах, на дрожащих пальцах, сжимающих ткань, и ушёл в сторону. На пол. На плитку. Куда угодно, только не на неё.

— Стучать не умеешь? — огрызнулась Элли. Голос вышел хриплым. Кровь прилиwała к щекам не от стыда. От ярости. От ощущения вторжения.

— Это моя ванная, — спокойно ответил Джейсон, переступая порог. Щелчок замка прозвучал тихо, но окончательно. — Ты пользуешься гостевой. В конце коридора.

— Там нет нормального напора. Вода еле течёт.

— Зато там нет меня.

Он прошёл мимо, задевая её плечо воздухом, и подошёл к дальней раковине. Открыл кран. Холодная, почти ледяная вода шумно ударилась о фарфор — январские трубы не знали пощады. Он плеснул её на лицо, запрокинув голову. Вода стекала по шее, по ключицам, впитываясь в ткань майки. Элли не двигалась. Выйти мимо него было физически невозможно в этом узком проходе. Он загораживал выход, как скала.

— Что тебе нужно, Джейсон? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он выпрямился, вытер лицо полотенцем и наконец посмотрел на неё. В полумраке ванной, освещённой только тёплым бра над зеркалом, его лицо выглядело иначе. Исчезла маска школьного кумира, отполированная улыбка. Остался только человек. С тенями под глазами. С напряжённой челюстью. С той самой усталостью, которую он прятал за сарказмом.

— Ты врёшь, — сказал он просто. Без обвинительной интонации. Как констатацию.

— О чём ты?

— Своей матери. Отцу. Себе.

Он сделал шаг вперёд. Не угрожающе. Исследующе. Элли инстинктивно отступила, спиной упираясь в холодную плитку стены. Вода с его волос капала на пол.

— Девочки с твоим бэкграундом не просто так бросают всё и переезжают в элитный район посреди учебного года. Обычно они исчезают. Или их забирают органы. Или они бегут от того, что не могут оплатить.

— Может, мне просто повезло, — сквозь зубы прошипела Элли. Ногти впивались в ладони через полотенце.

— Везение заканчивается там, где начинаются долги, — произнёс он тихо. Голос опустился до шёпота, но в тишине ванной прозвучал как гром.

Элли замерла. Воздух стал вязким, смешивая пар и холод. *Откуда он знает?* Она не говорила ни слова. Не показывала сообщений. Не звонила при нём.

— Ты ничего не знаешь обо мне.

— Я знаю, что ты вздрагиваешь, когда телефон вибрирует. Я видел, как ты смотрела на чёрный седан у ворот. Я знаю, как выглядят люди, которые ждут удара. — Он наклонился чуть ближе. От него пахло мятой, мылом и чем-то металлическим. Адреналином? — В этом доме стены тонкие, Элли. Звукоизоляция хорошая, но не идеальная. Если ты втянешь мою семью в свои проблемы, если твои тени перешагнут порог... я тебя уничтожу. Не ради отца. Не ради репутации. Ради себя. Я не хочу тонуть вместе с тобой.

— Угрожаешь? — Она подняла подбородок. Страх внутри сжался в тугую, холодный комок, но снаружи она осталась льдом. Лёд был её бронёй.

— Предупреждаю.

Элли сделала резкое движение, чтобы проскользнуть мимо. Полотенце на груди дрогнуло, край ткани скользнул вниз, открывая левое плечо и верхнюю часть лопатки.

Джейсон хотел отстраниться, дать ей пройти. Но его взгляд зацепился за кожу.

Там, где влажная ткань отстала, виднелся край чёрного рисунка. Не салонный минимализм. Не аккуратная геометрия. Грубые, резкие линии. Неровный контур. Свежая краснота вокруг чернил, которая не успела зажить до конца. И форма... Не цветок. Не надпись. Изломанная дуга. Перо. Часть крыла.

Он знал этот стиль. Тюремный. Уличный. Тот, что делают не в стерильных кабинетах, а в подвалах или гаражах на Южном берегу, когда человеку больно, страшно и нужно зафиксировать эту боль на коже, иначе она разорвёт изнутри. Это был не рисунок. Это был ирам, нарисованный иглой. Крик, застывший в чернилах.

Элли заметила его взгляд. Резко дёрнула полотенце, закрывая плечо. Ткань скользнула обратно, но было поздно.

— Не смотри, — сказала она. Голос дрогнул, предательски сев.

Джейсон не отвёл глаз. В его сознании что-то щёлкнуло. Сопоставилось. Он видел такие линии раньше. Не на картинках. На руках тех, кто выживал. На своей собственной коже, в ту ночь, когда стекло вонзилось в предплечье, а мир раскололся на «до» и «после».

— Что это? — спросил он. Не насмешливо. Без яда. Серьёзно. Почти тихо.

— Тебя не касается.

— Это выглядит как...

— Уходи, Джейсон. Сейчас же.

Она толкнула его в грудь. Не сильно. Отчаянно. Он не сопротивлялся. Отступил на шаг, освобождая проход. Его глаза всё ещё были прикованы к тому месту, где скрылось крыло.

Элли выскользнула из ванной, почти бегом направляясь к своей комнате. Дверь захлопнулась с глухим ударом. Замок щёлкнул. Она прислонилась к дереву, сползая по нему вниз, пока не оказалась на полу. Сердце колотилось так, будто она пробежала марафон по битому стеклу. Дыхание сбивалось. Руки дрожали. Она забыла вытереть волосы. Вода капала на ковёр, оставляя тёмные пятна.

В ванной остался Джейсон.

Он стоял перед зеркалом, глядя на своё отражение. Вода продолжала капать с крана. Кап. Кап. Кап. Медленно. Ритмично. Как метроном.

Он медленно провёл рукой по своему левому предплечью. Задрал рукав футболки. Там, где кожа была гладкой для всех, под светом бра проступил бледный, извилистый шрам. След от осколка стекла той ночи. Той самой, когда он нашёл мать. Когда мир перестал быть безопасным. Когда он понял, что любовь не защищает. Что деньги не спасают. Что иногда люди просто уходят, оставляя после себя только записку и тишину.

Он опустил рукав. Выключил свет.

Темнота поглотила отражение. Остался только силуэт у раковины. За окном ванной, в щель между рамами, виднелся клочок неба — чёрный, беззвёздный, типичный для риверсайдской зимы.

— Не так проста, — прошептал он в пустоту. Голос был хриплым.

Впервые за неделю ему не захотелось рисовать чертежи бункера. Стены без окон. Убежище, куда не проникает свет и люди. Ему захотелось понять, что скрывается за этим изломанным крылом на её спине. Кто сделал это? Почему? Что она пытается выжечь из памяти?

Он вышел в коридор. Тишина дома стала звонкой, натянутой, как струна. Где-то внизу гудел холодильник. Ветер снова начал биться в окна, принося с собой отдалённый вой сирены где-то в районе доков. А между двумя комнатами на втором этаже висело напряжение. Плотнее бетона. Тяжелее свинца.

Джейсон подошёл к двери комнаты Элли. Поднял руку. Замер. Опустил руку. Развернулся. Ушёл к себе.

Но спать он не лёг.

Он сел за стол. Включил настольную лампу. Жёлтый свет выхватил из темноты чистый лист ватмана. Он взял карандаш. Не линейку. Не циркуль. Просто карандаш.

Он не рисовал стены. Не чертил фундамент. Карандаш заскрипел по бумаге, оставляя уверенные, ломаные линии. Крыло. Изломанное. Обожжённое. Но расправленное. Птица, которая не падает. Которая учится летать сквозь боль.

За стеной Элли перевернулась на бок, прижимая колени к груди. Телефон лежал рядом. Экран оставался чёрным. Ни одного уведомления. Только её собственное отражение в стекле — бледное, напряжённое.

— Только не сегодня, — повторила она шёпотом. Голос растворился в темноте. — Пожалуйста.

Но в тишине комнаты, под тонкой тканью футболки, ей показалось, что татуировка на спине начала гореть. Не огнём. Жаром. Живым, пульсирующим теплом. Словно птица внутри неё пошевелила крыльями. Словно поняла, что её увидели.

И впервые за долгое время страх смешался с чем-то другим. С надеждой. Опасной. Непозволительной. Настоящей.

Как первая трещина на риверсайдском льду. Тихая. Незаметная. Но необратимая.

Глава 3. Маски и Кровь

Январский ветер с Сильвер-Ривер бил в лицо ледяными иглами, заставляя щуриться и кутаться глубже в куртку. Небо над Риверсайдом висело низким, свинцовым, будто город накрыли чугуновой крышкой. Элли остановилась перед массивными кирпичными воротами школы «Риверсайд Хай». Глубокий вдох. Выдох. Пар вырвался из рта белым облаком и тут же растворился в морозе.

Рука дёрнулась к карману. Телефон. Экран чёрный. Сообщений от Дэна не было. *Пока.* — Всё будет хорошо, — прошептала она. Но голос сел, предал её.

Она знала правду. Будет как всегда. Новые лица. Старые правила. Выживай или стань топливом для чужих амбиций.

Она поправила ляжку рюкзака. Под тяжёлой тканью куртки заныл свежий феникс на спине. И шагнула через порог.

Тепло обрушилось мгновенно, но оно не грело. Оно давило. Запах дорогого парфюма, влажной шерсти и подросткового пота. Школа оказалась именно такой, какой Элли ожидала: джунгли, где хищники носят худи брендовых марок, а травля возведена в ранг искусства. Замки шкафчиков хлопали, как выстрелы. Смех звучал слишком громко, слишком фальшиво.

Но главным сюрпризом стал Джейсон.

Стоило ему переступить порог главного входа, как ледяной призрак из дома растворился. На его месте возник король. Он шёл по коридору, и толпа расступалась, как вода перед носом корабля. Девушки касались его плеч, смеялись над шутками, которые он ещё не договорил, поправляли волосы, ловя его взгляд. Он улыбался. Широко, искренне, ослепительно. Обнимал кого-то за плечи, хлопал по спине, кивал учителям. Идеальный. Доступный. Недостижимый.

Элли стояла у стены, наблюдая за этим спектаклем. Её тошнило. Дома он смотрел на неё как на грязь на ботинке, а здесь был спасителем мира. Две маски. Одно лицо.

— Нравится шоу? — голос рядом заставил её вздрогнуть.

Элли повернулась. Перед ней стояла девушка, которая выглядела так, будто родилась с диадемой на голове и генетическим кодом превосходства. Идеальные платиновые волосы, форма, сидящая будто сшита на заказ, и взгляд, оценивающий стоимость одежды Элли за долю секунды.

— Мэдисон, — представилась она, не протягивая руки. Губы растянулись в улыбке, не затронувшей глаз. — Так ты и есть... падчерица.

— Элли, — ответила она спокойно, хотя желудок сжался в узел. — А ты та самая, кто считает, что коридор принадлежит ей по праву рождения.

Мэдисон усмехнулась. Её свита хихикнула за спиной, эхом разлетевшись по плитке.

— Остроумно. Для той, у кого в личном деле есть статья. Слушай, у нас тут есть правила. Не садись за стол чемпионов. Не смотри на Джейсона дольше двух секунд. И не думай, что твоя мама вышла замуж за конгрессмена, чтобы стать одной из нас. Северный берег не принимает благотворительность.

Элли сжала ляжку рюкзака.

— Мне плевать на вас всех.

— Это скоро пройдёт, — Мэдисон шагнула ближе, понизив голос до шёпота, который резал уши громче крика. — Джейсон — мой. Поняла? Он просто пока развлекается с новой игрушкой. Но когда он насытится... он вернётся туда, где ему место. Со мной. В свете.

Элли посмотрела через плечо Мэдисон. Джейсон стоял у окна, окружённый смеющимися ребятами. Он поймал взгляд Элли. На секунду его улыбка дрогнула. Стала пустой, стеклянной. Затем он снова рассмеялся, откинув голову, будто ничего не видел. Будто она была прозрачной.

— Я сказала, ты меня слышала? — Мэдисон ткнула пальцем в грудь Элли. Жёстко. Унижительно.

Элли сбила руку. Резко.

— Не трогай меня.

— Или что? — Мэдисон рассмеялась, но в смехе звенела сталь. — Что ты сделаешь? Устроишь истерику? Как в твоём старом районе?

Элли развернулась и пошла прочь, оставляя Мэдисон с поднятой рукой. Но яд уже проник под кожу.

Остаток утра прошёл как в тумане. Элли сменила три класса. Математика. История. Английский. Она сидела на задней парте у окна, стараясь сжаться в точку. Но это было невозможно. Взгляды преследовали её везде. Шёпот за спиной. Смешки, прикрывающие слова.

— *Это она? — Говорят, у неё статья за наркотики... Южный берег, да? — Видела, как Мэдисон с ней разговаривала? Бедняжка... Не продержится и недели.*

Элли сжимала челюсти так, что сводило скулы. Игнорировала. Писала конспекты, буквы в которых плясали. Смотрела в окно на серое небо. Ветер гнал по стеклу первые робкие снежинки, которые тут же таяли, оставляя грязные потёки. Как следы, которые невозможно смыть.

Столовая гудела, как растревоженный улей. Элли взяла поднос с остывшим пюре и села за самый дальний стол, спиной к стене. Подальше от шума. Подальше от глаз. Она надеялась просто перетерпеть день. Дожить до звонка.

Но Мэдисон не привыкла игнорировать вызовы. Она привыкла их уничтожать.

Она подошла вместе со свитой, когда Элли уже механически двигала вилкой по тарелке. Мэдисон положила ладони на стол и наклонилась. Запах дорогих духов ударил в нос, смешиваясь с запахом школьной еды.

— Знаешь, я навела справки, — громко сказала она, так, чтобы слышали соседние столы. Голос был сладким, как отравленный мёд. — Твоя мама работала в прачечной? Мило. Наверное, тяжело сводить концы с концами, стирая чужое бельё, пока папа Джейсона оплачивает твои счета. Может, тебе стоит начать с того же? У нас как раз нужны уборщицы в раздевалках.

Шум вокруг стих. Все слушали. Десятки глаз уставились на Элли. Воздух стал вязким, тяжёлым.

— Заткнись, — сказала Элли. Голос был тихим, но в нём звенела струна, натянутая до предела.

— Ой, какая агрессивная. Может, наркотики влияют? Или просто гены? — Мэдисон протянула руку. Не чтобы ударить. Чтобы смахнуть невидимую крошку с плеча Элли. Жест презрительный. Унижающий. Нарушающий личное пространство.

Для Элли это движение стало триггером. Вспышка. Рука, тянущаяся к волосам в тёмном переулке. Голос Дэна: *«Ты моя, пока я не скажу иначе»*. Холод стены за спиной.

— Убери руки, — предупредила Элли. Дыхание участилось.

— Или?

И Элли сорвалась.

Мир сузился до точки. Она встала. Движение было быстрым, отработанным телом, которое помнит боль лучше, чем разум. Она не думала. Не планировала. Тело сработало раньше мозга.

Удар был коротким, хлестким. Кулак встретился с носом Мэдисон с глухим, тошнотворным хрустом.

Кровь брызнула на белоснежную блузку королевы школы яркими алыми каплями. Мэдисон завизжала — звук тонкий, пронзительный — и схватилась за лицо, отступая назад, спотыкаясь о скамью.

В столовой повисла мёртвая тишина. Даже вентиляция, казалось, замерла.

Элли стояла, сжимая правую руку. Костяшки побелели, кожа лопнула в двух местах. Боль пульсировала, горячая и острая, но внутри было холодное, звенящее спокойствие. Адреналин выжег страх.

— Я же сказала, — произнесла она в тишину. Голос не дрогнул. — Не трогай меня.

Джейсон видел всё в замедленной съёмке. Как Элли встала. Как сжала кулак. Как ударила. Как кровь окрасила белый цвет.

Он сделал шаг вперёд — инстинкт. Мышцы напряглись, готовые броситься. Но тяжёлая рука Тайлера легла ему на плечо.

— Не стоит, брат, — тихо сказал Тайлер. — Это только усугубит. Директор уже бежит.

Джейсон остановился. Он видел, как Элли смотрит на него через всю столовую. В её глазах не было ожидания помощи. Не было мольбы. Только понимание. И усталость.

Она знала — он не может. Не здесь. Не сейчас. Его маска короля приросла к лицу. Один неверный шаг — и корона упадёт.

И это было хуже всего. Не то, что она ударила. А то, что она приняла правила игры, в которой он был заложником.

Кабинет директора пах старой бумагой, политурой и липким страхом. Сара сидела на краю жёсткого стула, комкая бумажный платок в дрожащих пальцах. Элли стояла у окна, глядя на школьный двор, где ветер гнал по асфальту прошлогодние листья. Её правая рука уже начала опухать, костяшки пульсировали в такт сердцу.

— Миссис Грей, — директор Хендерсон сложил руки на столе, пытаясь выглядеть строгим, но глаза бегали. — Обычно за физическое нападение на ученицу следует немедленное исключение. У нас нулевая терпимость к...

— Она меня спровоцировала, — вмешалась Элли, не оборачиваясь.

— Тише, — шикнула мать, дёрнув её за рукав. — Извините её, мистер Хендерсон. Она ещё не адаптировалась. Стресс. Переезд...

Дверь распахнулась без стука.

Вошёл конгрессмен Стерлинг. Он не вошёл — он влетел, как ледокол, разрезая атмосферу. Воздух в комнате изменился мгновенно. Директор выпрямился, кадык дёрнулся. Сара перестала дышать.

— Конгрессмен, я не ожидал... — начал директор, вставая.

— Я слышал о неприятностях, — голос Ричарда был мягким, бархатистым, но в нём слышалась сталь пружины, сжатой до предела. — Мы можем решить это без протоколов. Мэдисон получит лучшую медицинскую помощь. Её родители уже согласны. Элли останется в школе.

Директор заморгал. — Но... правила... Прецедент...

— Правила созданы для людей, мистер Хендерсон. А мы с вами люди разумные. — Ричард не повышал голоса. Ему не нужно было. Влияние звучало в каждой паузе. — Школа получит дополнительный грант на ремонт спортзала. Инцидент будет классифицирован как «несчастный случай при столкновении». Никто ничего не узнает.

Директор сглотнул. Взглянул на Сару. На Элли. На конгрессмена. — Я думаю... мы можем ограничиться предупреждением. Испытательным сроком.

Сара выдохнула, словно ей вернули воздух. Слезы брызнули из глаз. — Спасибо, Ричард. Спасибо огромное. Я не знаю, что бы мы делали...

— Это семья, Сара, — улыбнулся Ричард. Улыбка была безупречной. Пустой. — Мы решаем проблемы.

Он не стал дожидаться конца разговора. Вибрация телефона в нагрудном кармане пиджака прервала его речь на полуслове. Один взгляд на экран — и маска заботливого отчима мгновенно сменилась каменным лицом политика.

— Конгрессмен, вас ждут на экстренных слушаниях в комитете, — тихо сообщил помощник, материализовавшийся в дверях как призрак.

— Понял, — кивнул Ричард, застёгивая пиджак. — Мы обсудим детали за ужином.

Он вышел, не оглядываясь. Его настоящий мир — коридоры власти, рейтинги, сделки — не терпел пауз из-за школьных потасовок. Для него этот инцидент уже стал закрытым файлом. Просто очередная галочка в ежедневнике, решённая за семь минут. Кровь на блузке? Пятно на репутации? Всё смывается деньгами.

Дорога домой прошла в молчании.

Снег начал идти гуще, хлопья липли к лобовому стеклу, дворники скребли с противным визгом. Сара несколько раз открывала рот, чтобы сказать что-то, но закрывала снова, глядя на свои руки. Элли смотрела в окно. Кулак пульсировал, ныл, напоминал о себе каждым ударом сердца.

Ты снова всё испортила. Ты снова показала зубы. И тебя снова купили.

— Ричард всё уладит, — наконец сказала Сара, глядя вперёд. — Он... он хороший человек, Элли. Он спас тебя.

Элли не ответила. Она думала о Джейсоне. О том, как он смотрел на неё через столовую. Не с осуждением. Не с гордостью. С... узнаванием?

Нет. Это невозможно. Он — часть этого дома. Часть этой лжи.

Вечером дом снова погрузился в тишину. Но сегодня она была напряжённой, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Ветер выл в трубах, словно раненый зверь.

Джейсон стоял в тёмном коридоре второго этажа, у перил лестницы. Внизу, в гостиной, горел камин. Огонь отбрасывал длинные, пляшущие тени на мраморный пол. Отец наливал вино Саре. Звук льющейся жидкости казался неприлично громким.

— Ты спас её, — говорила Сара, её голос дрожал от благодарности и облегчения. — Если бы её исключили... Она бы не выдержала. Ричард, ты даже не представляешь, что она пережила раньше. Этот город... он её последний шанс.

— Я знаю, Сара, — ответил отец. Его голос был спокойным, слишком спокойным. Как у хирурга, констатирующего ампутацию. — Я сделал звонок. Дело замяли. Мэдисон подпишет заявление, что это была случайность. Никто ничего не узнает. Репутация школы сохранена. Твоя дочь — в безопасности.

— Ты волшебник, — Сара рассмеялась, но в смехе были слёзы.

— Главное, что репутация семьи не пострадала. И твоя дочь осталась. Но предупреди её. Ещё один такой выпад — и я не смогу ничего сделать. Законы выше моего имени. А скандалы убивают карьеру быстрее, чем пули.

— Я предупрежу. Обещаю.

Джейсон сжал перила так, что дерево жалобно скрипнуло под пальцами.

Замяли.

Слово эхом отдалось у него в голове, ударившись о виски. *Замяли.*

Так же, как тогда. Год назад. Когда мать выпала из окна спальни. «Несчастный случай», «Депрессия», «Закрытое дело». Отец тогда тоже сделал звонки. Чтобы не было скандала.

Чтобы рейтинги не упали перед выборами. Чтобы никто не узнал, что в идеальной семье конгрессмена происходит ад. Чтобы тишина стала фундаментом.

И сейчас он сделал то же самое. Купил молчание. Заглушил правду деньгами и влиянием. Превратил чужую боль в транзакцию.

Элли ударила девушку. Да. Она нарушила правила. Но она также защищала себя. А отец превратил это в сделку. В грязную тайну, которую нужно спрятать в шкаф, засыпать нафталином лжи и забыть.

Джейсон почувствовал, как внутри закипает ярость. Горячая, чёрная лава, подступающая к горлу. Он хотел спуститься вниз. Хотел крикнуть отцу в лицо, что он лицемер. Что его идеальная жизнь построена на костях и молчании. Что он не спасает — он хоронит.

Но он остался стоять в тени. На втором этаже. Где маски снимают только в темноте.

Внизу Сара чокалась бокалом с его отцом. Звон хрусталя прозвучал как приговор. Они праздновали спасение лжи.

Джейсон развернулся и тихо пошёл к себе. В коридоре, у поворота, он столкнулся с Элли. Она вышла из своей комнаты, видимо, тоже не могла уснуть. На ней была та же серая худи, рукава спущены, но правый кулак был обмотан бинтом, который уже пропитался сукровицей.

Она увидела его лицо. Увидела сжатые кулаки, желваки, ходящие под кожей.

— Ты тоже пришёл поблагодарить отца? — спросила она тихо. Голос был хриплым, уставшим.

Джейсон остановился. Он смотрел на неё. На её опухшую руку. На глаза, в которых не было раскаяния, только глухая усталость и лёд.

— Он купил тебя, — сказал Джейсон. Голос был низким, полным презрения. Не к ней. К ситуации. К системе. — Теперь ты ему должна.

— Я не просила его помощи, — огрызнулась Элли, отступая на шаг. Спина коснулась холодной стены.

— А он её дал. Потому что так удобно. — Джейсон шагнул к ней. Вблизи было видно, как дрожит его челюсть. Как в глазах плещется та же тьма, что и в её. — Ты думаешь, ты победила там, в столовой? Ты просто показала ему, что тобой можно манипулировать. Один звонок — и ты сидишь тихо. Ты стала частью его коллекции трофеев. «Посмотрите, как я решил проблему».

— Отвали, Джейсон, — предупредила она, но голос дрогнул. Не от страха. От боли правды.

— Нет, — он упёрся рукой в стену рядом с её головой, не касаясь, но загорая выходя. Воздух между ними наэлектризовался. — Ты хочешь играть в бунтарку? Иди до конца. А не прячься за спиной моего отца, когда станет жарко. Не позволяй ему покупать твои войны.

— Ты ничего не понимаешь, — прошептала Элли, глядя ему прямо в глаза. — Он не помог мне. Он помог себе. А я... я просто выжила. Как всегда.

— Вот именно, — Джейсон отстранился. Резко. Будто обжёгся. — Мы все здесь просто пешки в его игре. И ты только что сделала первый ход. Но помни: пешек меняют, когда они становятся неудобными.

Он прошёл мимо неё, задел плечом. Пахло мятой и холодом.

— И ещё, — он остановился, не оборачиваясь. Голос стал тише, почти интимным. — В следующий раз, когда решишь кому-то разбить нос... целься точнее. Чтобы наверняка. Чтобы не оставлять следов, которые можно купить.

Элли осталась стоять в коридоре. Она смотрела ему вслед. В его словах не было поддержки. Не было насмешки. Было признание. Он видел её. Не как падчерицу. Не как проблему. Как бойца в той же войне.

Внизу звякнуло стекло. Смех родителей долетал до второго этажа, искажённый и далёкий, словно из другого мира.

Элли сжала свою больную руку. Костяшки ныли, пульсировали, жгли.

Пешки, — прошептала она.

В темноте коридора ей показалось, что тени шевелятся. Будто дом слушал их разговор. И решал, кто из них выживет в этой игре, а кто станет ещё одним «несчастливым случаем» в закрытом деле.

Джейсон зашёл в комнату и захлопнул дверь. Тишина обрушилась на него, но внутри бушевал шторм. Он подошёл к столу, где лежал чертёж. Дом без окон. Убежище.

Он взял карандаш. Не для линий. Для разрушения.

С силой, от которой хрустнули суставы, он провёл чёрную линию через весь лист. Бумага порвалась с сухим треском. Потом ещё одну. И ещё. Архитектура превращалась в лохмотья.

— Ложь, — сказал он вслух. Голос был хриплым, сорванным.

Но в этом доме ложь была единственным фундаментом, который держал стены. И Джейсон понимал: чтобы разрушить её, придётся сжечь всё дотла. Маски. Правила. Рейтинги.

Включая себя.

За окном январская вьюга усилилась, заметая следы на подъездной аллее. Но внутри дома огонь уже разгорался. Тихий. Неумолимый. Ждущий искры.

Глава 4. Тихая вода

Неделя прошла в напряжённой, звенящей тишине. После инцидента в столовой школа затаила дыхание, будто река Риверсайд перед ледоходом: поверхность гладкая, зеркальная, но под ней идёт медленное, неотвратимое движение льдин.

Мэдисон появилась через два дня. Пластырь телесного цвета на переносице не скрывал отёка, но добавлял ей ореол мученицы. Она метала в Элли убийственные взгляды, но не подходила ближе, чем на пять метров. Страх перед именем Стерлинга работал эффективнее любой школьной охраны. Слухи множились, как плесень в сыром подвале, но в лицо никто ничего не говорил. В Риверсайде знали: правда стоит дорого, а молчание иногда — дороже жизни.

Дома тоже царило перемирие. Джейсон и Элли соблюдали негласный пакт о ненападении. Они пересекались на кухне, в коридорах, у лестницы, но не обменивались ни словом. Только взгляды. Короткие, скользкие, проверяющие границы. Как два зверя, вынужденных делить одну клетку, изучающие повадки друг друга перед возможным броском.

Элли чувствовала себя на минном поле. Каждый день она ждала звонка. Телефон лежал экраном вверх, чёрный и немой. Но это молчание давило на виски сильнее криков. Дэн умел ждать. Он умел превращать тишину в удавку.

Урок литературы вёл мистер Кроуфорд, человек, который любил пыльные переплёты больше, чем живых подростков. В классе пахло старой бумагой, мелом и сырой шерстью от промокших за окном пальто. На партах лежали потрёпанные экземпляры «Гордости и предубеждения». За окном январский туман плотно прилипал к стеклам, размывая очертания футбольного поля.

— Мисс Грей, — Кроуфорд поднял глаза поверх очков. Голос был сухим, как шелест страниц. — Вы читали задание?

Элли кивнула. Она читала книгу дважды. Один раз в десять лет, когда ещё верила, что любовь может перестроить мир. Второй раз — полгода назад, когда поняла, что книги лгут, а жизнь диктует свои, куда более жёсткие правила.

— Что вы можете сказать о конфликте между Элизабет и Дарси? — спросил учитель.

Класс затих. Все знали, кто она. Та самая девчонка с Южного берега, разбившая нос королеве. Ждали подвоха. Ждали, чтобы она оступилась.

Элли поднялась. Стул скрипнул по линолеуму. Она чувствовала спиной тяжёлый, неподвижный взгляд Джейсона. Он сидел через ряд, лениво крутя чёрную ручку между пальцами, но она знала: он слушает. Каждое слово.

— Это не конфликт любви, — начала она тихо, но чётко. Голос не дрогнул. — Это конфликт классов. Дарси любит Элизабет, но он стыдится её происхождения. Он пытается изменить её, отшлифовать, сделать удобной для своего мира. А Элизабет... она горда не потому, что высокомерна. А потому, что гордость — единственное, что у неё осталось. Её достоинство — это броня. Без неё её раздавят.

Она сделала паузу. В классе было слышно, как тикают настенные часы. Как за окном воет ветер, гоня по полю сухой снег.

— И самое главное, — продолжила Элли, глядя прямо на Кроуфорда, но чувствуя, как слова адресованы всем в этой комнате. — Вся эта история держится на лжи ради приличий. Семья Беннетов пытается выдать дочерей замуж не ради счастья, а ради безопасности. Они готовы продать их будущее, чтобы сохранить фасад. Чтобы не упасть в грязь. И в конце никто не становится счастливее. Они просто привыкают к своим клеткам. Учатся дышать в них.

Кроуфорд моргнул. Это был не тот ответ, который ожидали услышать в старшей школе Риверсайда. Здесь любили красивые формулировки про «силу чувств» и «преодоление предрассудков». Не про клетки.

— Интересная... интерпретация, — произнёс он, поправляя очки. — Несколько мрачная для романа Остин.

— Реализм всегда мрачнее фантазии, мистер Кроуфорд. Особенно когда фасад трескается.

Элли села. Руки под партой слегка дрожали. Пальцы нащупали в кармане худи прохладный пластик флакона с обезболивающим. Она сжала его так, что грани впились в ладонь, заземляя себя.

Джейсон не смотрел на неё. Он смотрел в окно, где туман сгущался над трибунами. Но его ручка перестала крутиться. Он понял. Каждое слово было адресовано не учителю.

Дарси стыдится её происхождения. Как он, который прятал её от друзей, боясь, что она «не впишется» в его отполированный мир. *Продать будущее ради безопасности.* Его отец, который одним звонком купил молчание Мэдисон, превратив чужую боль в транзакцию. *Привыкают к своим клеткам.* Этот дом. Эта школа. Эта жизнь, где правда запрещена.

Он медленно повернул голову. Элли смотрела в тетрадь, кусая нижнюю губу до белой полоски. Их взгляды встретились. На секунду маска Джейсона сползла. В его глазах не было насмешки. Не было высокомерия. Было узнавание. И страх. Она видела его насквозь. А он, впервые за год, почувствовал себя обнажённым.

На доске за спиной учителя календарь показывал число. **14 января.**

Ровно год.

Джейсон отвёл взгляд первым. Сердце пропустило удар, отдавшись глухой болью в висках. Год. Двенадцать месяцев, которые не лечат, а только консервируют боль.

Перемена вытолкнула её в коридор. Элли нужна была вода. И тишина. Она зашла в туалет на втором этаже, подальше от шумной столовой и цепких взглядов. Умылась ледяной водой, глядя на своё отражение в запотевшем зеркале. Под глазами залегли тёмные тени. Кожа бледная, губы искусаны. Она провела мокрыми ладонями по лицу, пытаясь смыть напряжение.

Дверь скрипнула. Вошла девушка. Низкая, с коротким каре, выкрашенным в яркий, почти неоновый фиолетовый. В руках у неё был телефон, и большие пальцы молниеносно бегали по экрану.

— Круто ты их сегодня сделала, — сказала девушка, не поднимая глаз от дисплея. — Кроуфорд чуть не уронил мел. Обычно он ждёт про «любовь и свадьбы», а не про социальные лифты.

Элли вытерла лицо бумажным полотенцем. Бумага тут же размокла. — Кто ты?

— Милли, — девушка наконец убрала телефон в карман и оперлась о раковину. Взгляд был цепким, оценивающим, но без злобы. — Я та, кто знает, кто с кем спит, кто чем болеет, у кого папа банкрот, а у кого мама пьёт. Информация — моя валюта. А здесь она дороже биткойна.

Элли напряглась. Инстинкт шептал: *уйди. Не доверяй.* — Мне не нужны сплетни.

— Мне тоже не нужны друзья, которые их просто слушают, — парировала Милли. — Но ты здесь новая. И ты сегодня показала, что у тебя есть зубы. Это уважительно. В Риверсайде зубы ценятся выше дипломов.

Она подошла ближе, заглянула в глаза Элли. В её взгляде не было жалости. Был расчёт и искра азарта. — Только совет. Мэдисон не успокоится. Она готовит что-то к пятнице.

— К пятнице?

— Игра и вечеринка. Игра начинается в семь. Вечеринка сразу после, у неё дома. Традиция. Вся школа будет там. Идеальное место, чтобы тебя уничтожить. Публично. Без учителей, без свидетелей, которые могли бы заступиться. Только свои правила.

Элли сжала края раковины. Холодный фарфор врезался в ладони. — Зачем ты мне это говоришь?

Милли пожала плечами, поправляя фиолетовую прядь. — Скучно. Все предсказуемо. Мэдисон — стерва, Джейсон — принц, ты — изгой. Но ты... ты изменила уравнение. Сломала шаблон. Мне интересно посмотреть, что получится, когда ледяная глыба столкнётся с огнём.

Она повернулась к выходу, но остановилась в дверях. Обернулась. — И ещё. Джейсон не такой, каким кажется. Он не спаситель. Он не рыцарь. Он такой же заключённый в этой школе, как и ты. Просто у него камера-люкс с видом на поле. Не верь его улыбке. Она весит ровно столько, сколько стоит его репутация.

Дверь закрылась. Элли осталась одна. В зеркале её отражение казалось чужим. Уставшим. Опасным. Календарь в телефоне мигал цифрой. До пятницы оставался один день. Элли сунула телефон в карман и вышла в коридор. Воздух был тяжёлым, наэлектризованным предчувствием.

Четверг тянулся медленно, как резина под морозом. Уроки пролетели смазанным кадром: учитель что-то говорил у доски, мел скрипел, кто-то перешёптывался за спиной, но Элли слышала только собственный пульс. Каждый звонок казался отсчётом до взрыва. Каждый взгляд — проверкой на прочность.

Вечер прошёл в полумраке её комнаты. Она сидела на полу, спиной к двери, и ждала. Телефон молчал. Дом дышал тихо, по-змеиному. Где-то внизу щёлкнул замок кабинета Ричарда. Где-то глухо упала книга. Обычные звуки большого дома, которые сегодня звучали как предупреждение. Ветер за окном гудел в водосточных трубах, напоминая о реке, о холоде, о том, что снаружи мир не спит.

Она не спала. Просто лежала в темноте, глядя в потолок, и считала минуты. Дышала ровно. Втягивала воздух глубоко, медленно. Готовилась. К утру нервы натянулись, как струны, готовые лопнуть от малейшего прикосновения.

А когда они закончились, наступила пятница. Без фанфар. Без предупреждения. Просто за окном посветлело серым, зимним светом, и будильник на телефоне вибрировал коротко, как удар сердца.

Элли села на кровати. Вдох. Выдох. Пятница.

Школа гудела. Кто-то смеялся у автоматов с едой, чирлидеры репетировали кричалки в раздевалках, в воздухе витало густое, сладковатое напряжение пятничного вечера. Она старалась не смотреть по сторонам, не встречаться глазами ни с кем. Двигалась быстро, чётко, будто каждый шаг мог спровоцировать лавину.

Плакат с изображением Джейсона в шлеме висел на главном стенде у входа. **«КАПИТАН. ЛИДЕР. ЛЕГЕНДА»**. Под ним девушки оставляли записки, крепили ленточки. Элли прошла мимо, опустив глаза. Она чувствовала на себе взгляды. Шёпот следовал за ней, как холодный шлейф.

— *Она придёт на вечеринку?* — *Говорят, Стерлинг запретил ей.* — *Нет, Джейсон сам сказал, что она будет. Чтобы показать, что всё под контролем.*

Элли остановилась у своего шкафчика. Рука дрогнула, когда она вводила код. Металл был ледяным.

— Проблемы с замком?

Голос за спиной. Низкий. Знакомый. Элли не обернулась. Спина напряглась автоматически. — Всё в порядке.

— После игры будет вечеринка, — сказал Джейсон. Голос был ровным, официальным. Но она услышала напряжение в нижней челюсти.

— Я не пойду, — отрезала Элли, наконец поворачиваясь.

— Пойдёшь, — Джейсон шагнул ближе. Его тень накрыла её, отрезая от коридорного света. — Если ты не появишься, это будет выглядеть как признание вины. Как будто ты боишься. Как будто тебе есть что скрывать. Мэдисон уже готовит почву.

— Я не боюсь. — Тогда докажи. — Он понизил голос, наклоняясь так, чтобы слова долетели только до неё. В его глазах мелькнула та же сталь, что и в ванной. — Мэдисон ждёт тебя там. Если ты не придёшь, она скажет, что ты сбежала. Что ты наркоманка, которая боится ломки. Что ты опасна. Школа поверит. Всегда верит красивым.

Элли резко развернулась к нему вплотную. Воздух между ними сжался. — Ты используешь это против меня? Заставляешь идти в волчью стаю?

— Я предупреждаю, — Джейсон смотрел на неё серьёзно. В его взгляде не было торжества. Была усталая решимость. — Там будут правила. Мои правила. Никаких драк. Никаких сцен. Ты держишь лицо, я держу их подальше от тебя. Я буду рядом.

— Зачем тебе это? — спросила Элли, и в её голосе прорезалась искренняя растерянность. — Почему ты не бросишь меня на растерзание? Так было бы проще. Для тебя. Для твоей репутации.

Джейсон молчал секунду. В коридоре звенел звонок, но они его не слышали. — Потому что я знаю, что ты чувствуешь, когда все смотрят на тебя и ждут ошибки, — тихо сказал он. Голос стал глухим, почти шёпотом. — Я знаю, как тяжело держать спину прямо, когда внутри всё ломается. И потому что я не хочу, чтобы ты сломалась. Пока что.

Он развернулся и ушёл, растворившись в потоке учеников. Но его слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец: *«Я буду рядом»*. Обещание? Или новая клетка?

Элли смотрела ему вслед. Милли была права. Камера-люкс. Джейсон исчез за поворотом, оставив после себя лишь лёгкий шлейф сандала и невысказанное напряжение. Элли выдохнула, опираясь лбом о холодную дверцу шкафчика.

Вибрация в кармане заставила её вздрогнуть, будто током ударило.

Сообщение. Не от Дэна. От неизвестного номера. Без имени.

«Сегодня 20:00. Стадион. Не опаздывай. У меня есть то, что ты потеряла.»

Элли замерла. Экран погас, оставив её в отражении тёмного стекла. Она ничего не теряла. Кроме себя. Кроме сна. Кроме веры в то, что можно просто исчезнуть. Но почерк сообщения... Короткие фразы. Точное время. Угроза, завёрнутая в обещание.

Дэн. Или его люди.

Он знал. Он всегда знал.

Она посмотрела на плакат с Джейсоном. Его улыбка с фотографии казалась теперь зловещей, нарисованной наспех. Вечеринка. Футбол. Толпа. Фонари. Тени. Идеальное место для катастрофы. Или для развязки.

Элли захлопнула шкафчик. Щелчок замка отозвался в коридоре резко, заставив нескольких учеников обернуться. Она не опустила глаз.

— Будет что будет, — прошептала она.

Впервые за неделю она не хотела прятаться. Не хотела сжиматься. Она хотела видеть, кто стоит за масками. Особенно он. Особенно тот, кто обещал быть рядом, но держал дистанцию.

Но где-то в глубине души, там, где жил холодный, липкий страх, тихий голос шептал: *«Дэн знает, где ты будешь. И он не прощает долгов.»* И этот голос звучал громче всех аплодисментов, громче школьного звонка, громче обещаний Джейсона.

За окном январский ветер усилился, гоня по полю первый настоящий снег. Тихая вода замерзала. Лёд трещал.

Игра начиналась.

Глава 5. Под светом прожекторов

Стадион гудел. Четыре мощных прожектора резали январскую мглу, выхватывая из темноты примёрзшее зелёное поле и белую, инеем подёрнутую разметку. Воздух пах попкорном, дорогим парфюмом и морозной сыростью, поднимающейся от реки. Дыхание зрителей вырывалось облачками пара, тут же растворяясь в холодном свете.

Элли сидела на самой верхней, неотапливаемой трибуне, в секторе для гостей. Внизу, в эпицентре шума, кипела жизнь. Болельщики в шарфах цветов школы скандировали одно имя, выбивая ритм ногами по бетонным ступеням.

— Стерлинг! Стерлинг!

Каждый выкрик отдавался у Элли в висках тяжёлым молотком. Она подтянула колени к подбородку, плотнее укуталась в куртку. Здесь, наверху, она была невидимкой. Белой вороной в стае золотистых ретриверов. Внизу все были в клубных цветах, с раскрашенными щеками, смеялись, толкались. Она была в чёрном, словно пришла на похороны, а не на праздник. И, возможно, так оно и было.

На поле произошёл рывок. Джейсон получил мяч. Он двигался быстро, увертываясь от соперников, как хищник, знающий каждую тропу в лесу. Его движения были отточены, идеальны. Он сделал тачдаун. Трибуны взорвались. Сирены взвыли. Чирлидерши подбросили помпоны, и блёстки рассыпались в морозном воздухе, как искусственный снег.

Элли не хлопала. Она смотрела на Джейсона. Он стоял в центре поля, поднимая руки в победном жесте. Он улыбался. Широко. Ослепительно. Но даже отсюда, с расстояния в пятьдесят метров, сквозь пелену пара и света, Элли видела: его глаза не смеялись. Они сканировали толпу. Искали что-то. Или кого-то. Механически. Будто считывали угрозы.

На секунду его взгляд задержался на верхнем секторе. На тёмном пятне, где сидела она. Затем он отвернулся, поглощённый свитой товарищей по команде, хлопками по плечу, криками тренеров.

— Увлékательно, да?

Элли вздрогнула. Рядом, на промёрзшей бетонной ступени, плюхнулась Милли. В руках у неё была банка ледяной колы и сигарета, которую она ловко прятала в ладонь от дежурного учителя, бродившего внизу с фонариком.

— Ты везде успеваешь, — сказала Элли, не оборачиваясь. Голос озяб, стал хриплым.

— Моя суперсила. — Милли щёлкнула зажигалкой, прикрывая огонёк ладонью, будто оберегая маленькое солнце от ветра. — Я знаю, где происходит самое интересное. А самое интересное сейчас не на поле. А здесь.

Она кивнула на окружающих их людей. Несколько таких же изгоев сидели поодаль, закутавшись в капюшоны. Парень с ирокезом, девушка с книгой вместо флага, пара, тихо спорящая о чём-то своём.

— Добро пожаловать в андеграунд, — Милли протянула Элли банку. — Тут нет правил Мэдисон. Тут можно дышать. И никто не смотрит, как ты ешь.

Элли взяла колу. Холодный металл обжёг пальцы, но тепло не шло. — Зачем ты это делаешь? — спросила Элли, наконец повернувшись. — Почему ты со мной? Ты же могла сидеть внизу, с ними. В тепле. В свете.

— Потому что я вижу всё, — Милли затянулась, выпуская дым в сторону, подальше от трибун. Её фиолетовые волосы в свете прожекторов казались почти чёрными, но кончики отливали электрическим синим. — Я вижу, как Джейсон смотрит на тебя, когда думает, что никто не видит. Я вижу, как Мэдисон точит нож, улыбаясь в камеру. И я вижу, что ты не та, за кого себя выдаёшь.

Элли напряглась. Плечи автоматически ушли к ушам. — Что это значит?

— Это значит, что мы можем быть союзниками. В этой школе выживают только стаями. Одиночек съедают. Перемалывают. — Милли повернулась к ней. В её глазах не было жалости. Был расчёт и тихая, упрямая вера. — Я могу быть твоими глазами. А ты... ты можешь быть моим щитом. У тебя есть то, чего нет у меня: тебе нечего терять. А это делает тебя опасной.

Элли хотела ответить. Хотела сказать, что у неё есть всё, что она боится потерять. Но телефон в кармане куртки вибрацией перебил разговор. Коротко. Жёстко. Как удар хлыста.

Она достала его. Экран светился в темноте, выхватывая из мрака её побелевшие пальцы.

«Неизвестный номер. Парковка Б. Сектор 4. Сейчас. Если не придёшь — завтра утром фотки отправятся в газеты. Посмотрим, какотреагирует твой новый „папочка“ конгрессмен.»

Кровь отхлынула от лица, оставив внутри звенящую пустоту. Фотографии. Дэн держал слово. У него были фото из её прошлого. Из того времени, которое она пыталась похоронить под слоем чернил и тишины. Руки, лица, тёмный переулок. Всё, что могло уничтожить Сару. Всё, что могло заставить Ричарда вышвырнуть их на улицу до рассвета.

— Проблемы? — спросила Милли, заметив, как Элли перестала дышать.

— Нет, — Элли встала. Ноги были ватными, ступни не чувствовали холода бетона. — Мне нужно... в туалет.

Милли прищурилась. Она посмотрела на телефон, потом на лицо Элли, считывая микродвижения мышц. — Парковка Б далеко от туалетов, — тихо сказала Милли. Голос стал серьёзным, без следа насмешки. — И там не работают камеры с прошлой недели. Туда зовут, когда хотят поговорить наедине. Или когда хотят, чтобы тебя не нашли.

Элли замерла. Ветер усилился, завыл в металлических конструкциях трибун, принёс запах бензина и гнили от реки. — Ты видела?

— Я видела, как ты побледнела. И знаю, откуда приходят такие сообщения. — Милли затушила сигарету о бетон, спрятала окурочек в карман. — Если ты пойдёшь туда, что-то изменится. И, думаю, не в лучшую сторону.

— У меня нет выбора, — прошептала Элли. Голос сорвался.

— Выбор есть всегда, — Милли встала рядом, плечом к плечу. — Но я не лезу. Пока. Просто знай: если через двадцать минут тебя не будет в зале после игры, я подниму шум. Громкий.

Элли кивнула. Ей не нужно было спасение. Ей нужно было решить это самой. Снять петлю, пока она не затянулась окончательно. — Не надо, — сказала она. — Это моё дело.

Она быстро спустилась по лестнице, сливаясь с толпой, направляющейся к буфету и раздевалкам. Никто не заметил девушку в чёрной куртке, скользнувшую в тёмный технический проход под трибунами. Здесь пахло сыростью, старым бетоном и мазутом. Тени от опор вытягивались, как пальцы, пытающиеся ухватить за лодыжки.

Парковка Б была погружена в полумрак. Фонари здесь не работали уже неделю, разбитые вандалами или просто забытые городом. Снег лежал грязными, утрамбованными пластами. Ветер гнал по асфальту сухие листья и мусор. Элли шла быстро. Дыхание сбивалось. Сердце колотилось где-то в горле.

У старой, облезлой будки охраны стояла машина. Чёрный седан. Тот самый. Тонировка, низкий клиренс, знакомый шрам на бампере.

Дверь водителя открылась. Вышел не Дэн. Парень лет двадцати. Один из его людей. Щёки втянуты, взгляд тяжёлый, в руке он лениво перекидывал зажигалку.

— Ты быстро, — сказал он, усмехаясь. Голос был хриплым, прокуренным. — Думал, придётся ждать.

— Где он? — спросила Элли. Голос не дрогнул, хотя внутри всё сжалось в ледяной ком.

— Дэн занят. У него дела с твоим отчимом. — Парень рассмеялся, но смех был пустым, механическим. — Шутка. Но скоро не будет.

Он шагнул к ней. Элли не отступила. Вцепилась ногтями в ладони, заземляя себя. — Что тебе нужно?

— Деньги. Или товар. — Парень протянул руку. — Но так как у тебя сейчас нет ни того, ни другого... Дэн решил тебе напомнить, ради чего всё это. Ради кого.

Он сунул руку в карман куртки и вынул что-то маленькое и блестящее.

Кулон. Серебряная птица с расплавленными крыльями.

Элли замерла. Воздух вышел из лёгких. Она потеряла его год назад. В ту ночь. Когда всё пошло не так. Когда она думала, что он исчез навсегда, утонул в луже вместе с её надеждами.

— Отдай, — сказала она тихо. Голос стал стеклянным.

— Приноси деньги до воскресенья. Иначе прошлое вернётся в твою жизнь быстрее, чем ты думаешь. Газеты, опека, полиция... Твоя мама не выдержит.

Он бросил кулон ей под ноги. Металл звякнул о замёрзший асфальт. — У тебя есть сорок восемь часов, принцесса. Не подведи.

Элли опустила на колени, игнорируя холод, проникающий через джинсы. Подняла кулон. Серебро было ледяным, помятым. Одно крыло погнуто. Как и её жизнь. Она сжала его в кулаке, так что металл врезался в кожу. — Я найду способ, — сказала она, поднимаясь.

— Не сомневаюсь, — парень сел в машину. Двигатель взревел, выхлоп ударил в морозный воздух белым облаком. — Но не забывай: мы видим тебя. Везде.

Машина рванула с места, окатив её грязной жижей из разбитой лужи. Элли осталась стоять одна в темноте. В руке сжимался кулон. В груди холодило от осознания: Дэн был ближе, чем она думала. Он был здесь. В этом городе. Он знал про дом. Про школу. Про Ричарда. Сеть сжималась.

Она повернулась, чтобы идти обратно. К свету. К теплу. К иллюзии безопасности. И замерла.

На выходе с парковки, в тени бетонной колонны, стоял человек. Джейсон.

Он не был в форме — надел тёмные джинсы и чёрную футболку, сверху расстёгнутую куртку. Волосы растрёпаны ветром. Дыхание вырывалось паром. Он не прятался. Просто стоял. Ждал.

Элли оцепенела. *Как он...*

— Я ушёл с поля на последней четверти, — сказал Джейсон, будто прочитав её мысли. Голос был ровным, но в нём слышалась сталь. — «Растяжение связок». Тренер поверил. Игра уже была выиграна, ему не нужен был риск. Но на самом деле... я видел, как ты получила сообщение. Видел, как Милли что-то шепнула тебе. И видел, куда ты пошла.

Он сделал паузу. Ветер трепал полы его куртки. — Я последовал за тобой.

Он видел всё. Видел машину. Видел, как она опускалась на колени в грязь. Видел кулон в её сжатом кулаке. Видел, как дрогнули её плечи, когда парень бросил угрозу.

Они смотрели друг на друга. Расстояние в пять шагов казалось пропастью. Элли ожидала вопроса. Ожидала гнева. Ожидала, что он сейчас позвонит отцу, расскажет всё, умоет руки.

— Мне нужно было... — начала Элли, но слова застряли.

— Не ври мне, — перебил он. Он сделал шаг вперёд, выходя из тени колонны. Свет фонаря упал на его лицо. Оно было серьёзным. Усталым. — Я видел машину. И я знаю, что это значит.

Элли сжалась. Кулон впился в ладонь. — Ты следишь за мной?

— Я сказал, что буду держать лицо за нас обоих. — Джейсон отвернулся, глядя на удаляющиеся красные фары машины, растворяющиеся в тумане. — Но ты должна понимать одно. Если тебя обнаружили здесь, значит, этот дом больше не крепость. Стены прозрачны.

Он повернулся к ней. В его глазах не было осуждения. Было узнавание. Та самая тьма, что жила в ней, теперь отражалась в нём. — И если ты хочешь выжить в этой игре... тебе нужен партнёр. Не зритель. Не спаситель. Партнёр.

— Ты? — усмехнулась Элли, но усмешка вышла горькой. — Ты же хочешь меня уничтожить. Или спрятать. Как неудобную вещь.

— Я хочу понять, почему ты рискуешь всем ради чего-то, что тянет тебя на дно, — сказал Джейсон тихо. Голос стал глухим. — Год назад я тоже стоял на краю. И думал, что справлюсь один. Не справился. Почти.

Он кивнул на её сжатый кулак. На кулон. — Пойдём, — сказал он, разворачиваясь. — Скоро начнётся вечеринка. Мэдисон ждёт. Толпа уже нагрета. Если мы не появимся вместе, слухи сожрут нас обоих.

Элли посмотрела на кулон. Потом на Джейсона. На его профиль, выхваченный светом. На руку, сжатую в кармане. — Вместе? — переспросила она.

— Да, — Джейсон уже шёл к свету стадиона, не оглядываясь. — Как брат и сестра. Или как сообщники. Выбирай сама. Но помни: в моей команде нет места лжи. Только факты. Только выживание.

Она сунула кулон в карман, глубоко, на дно, рядом с телефоном. Металл всё ещё холодило кожу. — Сообщники, — пробормотала она себе под нос и пошла за ним.

Шаги стучали по замёрзшему асфальту в унисон.

В спину им смотрела темнота парковки. Тени сливались в одну густую массу. И где-то на другом конце города, в тёплой машине с тонированными стёклами, телефон Дэна пиликнул, подтверждая получение сообщения от человека в чёрном седане.

«Объект под контролем. Она не одна. Стерлинг вышел с поля. Наблюдаем.»

Дэн усмехнулся, глядя на экран. Палец провёл по стеклу. — Игра только начинается, — прошептал он в тишину салона. — И теперь у нас есть рычаг.

Январский ветер усилился, гоня по полю первый настоящий, крупный снег. Проекторы гудели, режущие мглу. Трибуны ревели. А внизу, в лабиринте теней и света, двое сломанных людей шли навстречу огню, зная, что назад пути нет.

Глава 6. Пепел и Огонь

Дом Мэдисон напоминал раскалённый котёл, брошенный в январскую ночь. За окнами выл ветер, гоня по замёрзшим лужам серый снег, а внутри бас-колонки долбили так, что виб-

рация поднималась по подошвам ботинок, отдаваясь в костях. Воздух был густым, влажным от дыхания сотни людей, пропитанным смесью дорогого алкоголя, цитрусового пара и пота. Кондиционер не справлялся. Стёкла запотели изнутри, стирая границы между уютной гостиной и ледяным Риверсайдом за ними.

Джейсон стоял в центре гостиной, как всегда, в эпицентре внимания. Девушки смеялись, касаясь его рукавов, плеч, случайно задевая пальцы. Он улыбался, кивал, делал глотки из красного стаканчика, который никогда не наполнялся до конца. Он был здесь, но не здесь. Его тело работало на автопилоте, отточенном годами тренировок и светских выходов. А глаза сканировали комнату, как радар, выхватывая лица, позы, угрозы.

Элли сидела на подлокотнике дивана в дальнем углу, подтянув колени к груди. Милли что-то быстро рассказывала ей, активно жестикулируя, но слова доносились словно сквозь вату — гул басов давил на перепонки, а в голове стоял тяжёлый, липкий шум. Жара. Нестерпимая, удушающая жара. Худи, её броня, превратилось в парник. Кожа горела. Горло пересохло так, что каждый глоток слюны царапал.

— ...и потом он сказал, что это был не он, но все видели его машину у доков, — тараторила Милли, но внезапно осеклась. Она заметила стеклянный, расфокусированный взгляд Элли, бледность, проступившую сквозь загар. — Эй, ты в порядке? Ты вся красная.

— Жарко, — прошептала Элли. Голос сел, стал хриплым. Она нервно потянула воротник худи, пытаясь освободить шею, но ткань казалась наждачной бумагой. — Пить хочу. Жутко. Голова кружится.

— Я принесу воду. Бутыль на кухне, — Милли вскочила, обеспокоенно сжав её плечо. — Сиди тут. Не двигайся. Я мигом.

Пока Милли пробиралась сквозь плотную стену танцующих тел, исчезая в направлении кухни, пространство вокруг Элли сжалось. Она осталась одна на острове дивана. Шум навалился волной.

И тут из толпы, словно акула из мутной воды, выплыла Мэдисон.

Она сияла. Идеальная укладка, платье из шёлка, которое стоило больше, чем вся мебель в квартире на Южном берегу. Нос зажил, следы от удара скрыл плотный тональный крем, но взгляд стал ещё холоднее, ещё ядовитее. В ней не было открытой злости. Только спокойная, хищная уверенность. В руке у неё был стакан. Тяжёлое стекло, запотевшее от холода. Внутри плескалась прозрачная жидкость с кубиками льда.

Мэдисон остановилась прямо перед Элли, блокируя выход. Запах дорогих духов — сладких, тяжёлых, с ноткой ванили и чего-то горького — ударил в нос, перебивая запах пота и алкоголя.

— Мир? — спросила Мэдисон. Голос был бархатным, вкрадчивым. Улыбка растянулась на губах, но глаза остались пустыми, как у фарфоровой куклы. — Просто вода. Ты выглядишь неважно, Грей. Обезвоживание — штука коварная.

Она сделала шаг ближе. Протянула стакан. Не требовала. Предлагала. Жест был почти материнским, что пугало больше всего.

Элли смотрела на стакан. Конденсат стекал по стеклу, оставляя мокрые дорожки на пальцах Мэдисон. Лёд звякнул о стенки — тихий, манящий звук. Инстинкт, отточенный годами жизни на улице, кричал: «*Не бери. Опасность. Беги*». Но тело предавало. Жажда была физической болью, спазмом в горле. Голова плыла от духоты и пустого желудка.

Мэдисон чуть наклонила стакан, приближая его к губам Элли. — Не бойся. Я же не варварка.

Элли медленно подняла руку. Пальцы дрожали. Она обхватила холодное стекло. Лёд обжёг кожу, приятной, обманчивой болью отозвавшись в ладони. Мэдисон не отводила взгляда. В её глазах мелькнуло торжество. Микросекунда. Но Элли заметила. Она поняла, что проиграла. Не в драке. В этой тихой битве на истощение.

— За перемирие, — тихо сказала Элли.

Она поднесла стакан к губам. Сделала глоток. Холод обжёг пищевод, прокатился вниз, на мгновение гася пожар в горле. Вкус был чистым. Нейтральным. *Слишком чистым?* Элли замерла, ожидая подвоха. Но ничего не произошло. Только краткое облегчение.

Мэдисон выдохнула. Её плечи расслабились. — Вот видишь, — прошептала она, и её улыбка стала чуть теплее, чуть настоящей. — Не всё так плохо.

Она развернулась, не сказав больше ни слова, и растворилась в толпе, оставив Элли с пустым стаканом в руках и странным, липким чувством на дне желудка. Тяжесть. Не от воды. От чего-то другого.

Милли должна была вернуться через минуту. Но кухня была в другом конце дома, а коридоры забились танцующими телами. Где-то далеко, за стеной шума, Элли уловила отдалённый крик подруги: «*Я нашла!*», но звук потонул в басовой линии трека.

Прошло десять минут. Или десять секунд. Время расплавилось, потекло вязкой лавой.

Мир накренился влево, затем резко вправо. Пол под ногами стал мягким, податливым, как желе. Она попыталась встать, но ноги перестали слушаться — стали ватными, чужими, будто налитыми свинцом. Звуки исказились. Громкий смех превратился в резкий визг, басы ударили прямо в грудную клетку, заставляя сердце биться в ритме чужой, ломаной песни. Воздух стал густым, горячим. Она задыхалась в собственной коже.

— Эй, музыка же огонь! — крикнула Элли сама себе, но собственный голос прозвучал откуда-то со стороны, искажённый эхом, будто из бочки.

Она вышла в центр комнаты. Двигаться стало легче, если не думать. Тело требовало движения, чтобы сбросить этот жар, эту тяжесть, что наливалась в вены. Элли начала танцевать. Не так, как остальные — ритмично и расслабленно. Её движения были судорожными, резкими. Будто она пыталась стряхнуть с себя невидимых насекомых, пыталась вылезти из собственной шкуры.

В толпе расступился круг. — Смотрите, новенькая зажигает! — крикнул кто-то, и в голосе прозвучала не поддержка, а хищный интерес.

Элли стало невыносимо жарко. Кожу жгло изнутри. Худи, эта броня, этот панцирь, стал невыносимым. Она судорожно дёрнула молнию. Зубцы разошлись с хриплым звуком. Она сбросила тяжёлую ткань на пол, оставшись только в чёрном топике.

И обнажила спину.

Вспышки стробоскопа выхватили из полумрака огромную фигуру птицы. Феникс. Чёрные чернила расправляли крылья от самой поясницы до лопаток. Перья были прорисованы с пугающей, болезненной детальностью — каждый штрих, каждая тень казались шрамами, вплавленными в кожу. Птица не просто была нарисована. Она казалась живой, готовой вспыхнуть и сжечь всё вокруг.

Толпа ахнула. Шум на секунду стих, сменяясь гулом шепота. — Ого... Это же на всю спину. — Выглядит как тюрюга. Жёстко. — Эй, птичка, покажи ещё! Дай потрогать перья!

Парни из команды приблизились. В их глазах не было уважения. Только голод. Оценка тела. Они видели не боль, не историю, не шрамы под чернилами. Они видели трофей. Развлечение. — Красивая спинка, — протянул один из них, протягивая руку, чтобы коснуться лопатки. — А что там ниже? Может, снимем остальное?

Элли рассмеялась. Звук был чужим, ломким, истеричным. Она кружилась, не чувствуя границ, не понимая, где заканчивается она и начинается этот ад. — Не трогай, — пробормотала она, но голос был тихим, просьбой, которую никто не услышал. Вещество уже сковывало волю, превращая страх в тяжёлое, липкое оцепенение. — Да ладно тебе, — другой парень заблокировал ей путь, нависая сверху. Тень упала на лицо. — Мы же семья. Расслабься.

Кто-то щёлкнул затвором телефона. Вспышка ослепила. Вспышка. Темнота. Вспышка. Темнота. Паника, ледяная и острая, пронзила живот, но препарат не дал ей закричать. Она просто стояла, широко раскрыв глаза, пока чужие ладони тянулись к её обнажённой коже.

Где-то сбоку разбилось стекло. — Уберите от неё руки! — взвизгнула Милли.

Она прорвалась сквозь круг, сжимая в руке пластиковую бутылку воды как дубину. Её фиолетовые волосы растрепались, лицо побледнело. Она увидела Элли — оголённую, дезориентированную, окружённую хищниками. Увидела пустой стакан у ног. Поняла всё за секунду. И ей стало страшно не за репутацию. А за жизнь.

Но было поздно. Маска уже сорвана. Игра началась.

Внезапно воздух рассекло движение. Резкое, жёсткое. Джейсон пробивался сквозь толпу, расталкивая плечами парней, которые слишком плотно окружали диван. Бас-гитара билась в грудную клетку, но он слышал только собственный пульс, стучащий в висках. Его лицо было каменным. Маска обаятельного капитана, которую он носил весь вечер, разбилась вдребезги, обнажив холодную, расчётливую ярость. Он увидел, как чья-то ладонь легла на её плечо, увидел расширенные зрачки Элли, неестественную расслабленность мышц, и понял: это не веселье. Это охота.

— Уберите руки, — его голос не был громким, но в нём была такая сталь, что парни инстинктивно отступили на шаг. В его позе читалась готовность к насилию. Кулаки сжались так, что хрустнули костяшки. — Эй, Джейсон, мы просто... — начал один из парней, пытаясь улыбнуться. — Я сказал, уберите руки! — заревел он, и этот звук перекрыл музыку. В зале повисла тишина, тяжёлая, звенящая.

Он схватил Элли за запястье. Кожа была обжигающе горячей, пульс бился как у загнанной птицы. Хватка была жёсткой, болезненной — он боялся, что если ослабит, она просто растворится или упадёт. — Пусти, — забормотала она, пытаясь вырваться. Её движения были некоординированными, вялыми. — Я танцую... мне хорошо... — Ты себя не контролируешь, — прорычал он, притягивая её к себе. Запах сладких духов Мэдисон смешался с чем-то химическим, горьким. — Мне нравится... — она попыталась улыбнуться, но уголки губ дрогнули. Глаза закатывались. — Тебе ничего не нравится! — Он рванул её к выходу, игнорируя её слабое сопротивление.

Элли упиралась, но не со зла — просто тело не слушалось. Она бормотала что-то несвязное, ноги подкашивались. Джейсон чувствовал, как она тяжелеет, как теряет опору. Он почти нёс её на себе, продираясь к стеклянным дверям. Холод снаружи ударил в лицо, отрезвляя на мгновение. Он втолкнул её в свою машину, захлопнул дверь. Обогнул капот, сел за руль. Щёлкнул центральный замок.

Щёлк. Тишина.

Внутри машины было тихо. Шумоизоляция отсекала вечеринку, оставляя только их дыхание и гул печки, нагнетающей тепло. Салон пах кожей и его одеколоном — знакомый, безопасный запах, но сейчас Элли было всё равно. Действие вещества достигло пика. Её голова бессильно упала на стекло, щека сплющилась. Она тяжело дышала, веки подрагивали.

— Зачем... — пробормотала она, не открывая глаз. — Зачем ты...

Джейсон смотрел на неё. В полумраке салона, освещённом только приборной панелью, её лицо казалось фарфоровым. Хрупким. Слишком хрупким для той войны, что развернулась вокруг неё. Он видел, как дрожат ресницы. Видел капельку пота у виска. Видел, как топ съехал, обнажая ключицу и край татуировки.

— Потому что я не позволю им съесть тебя, — тихо сказал он. Голос звучал хрипло, почти больно.

Он завёл мотор. Двигатель взревел, но он не включил передачу. Просто сидел, сжимая руль так, что костяшки пальцев побелели. Кто-то подсыпал ей что-то серьёзное. Не алкоголь.

Что-то, что ломает волю, отключает критическое мышление. Препарат для жертв. *Мэдисон*. Он посмотрел на свои руки, лежащие на руле. Они дрожали. Мелкой, противной дрожью. От злости? От страха? Он сжал её запястье слишком сильно. Страх за неё превратился в грубость. Он хотел быть щитом, а стал ещё одним тюремщиком.

Он вспомнил её спину на вечеринке. Феникс. Он видел много татуировок. У парней — бессмысленные символы, у девушек — цветочки или надписи на ключице. Но эта была другой. Она не была украшением. Она была криком. Он успел заметить шрамы вокруг чернил. Тонкие белые линии, пересекающие крылья. Старые шрамы. Следы лезвия? Или чего-то хуже? *«Она делала это сама? Или кто-то другой нанёс ей боль, а она перекрыла её чернилами?»*

Вспомнились его собственные слова: *«Ты думаешь, ты победила там, в столовой? Ты просто показала всем, что тобой можно манипулировать»*. Ирония ударила его, как пощёчина. Он был прав. И это было сильнее всего. Сегодня она стала игрушкой. Марионеткой в руках Мэдисон, потому что он не уберег. Потому что он позволил ей идти туда. Потому что он слишком долго носил маску, вместо того чтобы действовать.

Джейсон ударил ладонью по рулю. Глухой удар эхом отозвался в салоне. Элли даже не вздрогнула — она уже проваливалась в сон. — Прости, — прошептал он в пустоту. Не ей. Себе.

Он наконец включил передачу. Машина плавно выехала с парковки, оставляя вечеринку позади. Но спокойствия не было. Внутри него бушевал пожар. Январь за окнами стоял стеной, но ему было жарко.

Он ехал не домой. Сначала он свернул в тёмный переулок у парка, где фонари не горели, а снег лежал нетронутым. Остановился. Нужно было прийти в себя. Нужно было решить, что делать дальше. Элли спала. Тяжело, с присвистом. Её рука безвольно свисала с сиденья. Джейсон потянулся и аккуратно поднял её руку, положив ей на колени. Пальцы были ледяными. Контраст с горячим лбом пугал. Он расстегнул свою куртку и набросил её на неё, укрывая плечи и спину. Ткань упала, скрывая птицу. Скрывая уязвимость.

Но потом его взгляд упал на её шею. Там, за воротником топа, виднелся край татуировки. Огненное перо. И под ним — та самая неровность кожи. Он понял вдруг, с ледяной ясностью: Феникс не был символом силы. Это было предупреждение. *Я сгорела. Я пыталась подняться. Но я всё ещё помню огонь.*

Он завёл мотор снова. Дом ждал.

Дом конгрессмена спал. Только в холле горел тусклый ночник. Джейсон воспользовался боковым входом через гараж. Код он знал наизусть. Отец редко проверял эту дверь после десяти. Ричард Стерлинг спал крепко, когда не было камер и микрофонов. Он вышел из машины, открыл дверь пассажирского сиденья. Элли спала. Не просто спала — провалилась в тяжёлое, химическое небытие. Дыхание было неровным, поверхностным.

Он не стал её будить. Подобрал на руки. Она была невесомой — не от стройности, а от того, что вся ушла внутрь. Кости, кожа и тайны, сжатые в тугой комок. Он прижал её к себе, чувствуя, как жар её тела пробивается сквозь ткань его куртки. Пахло дымом, сладкими духами и чем-то горьким, металлическим. Страхом.

Лестница казалась бесконечной. Он ступал осторожно, избегая скрипучих половиц, которые знали каждый его шаг за семнадцать лет. Если отец услышит... Если увидит её в таком состоянии... Это будет приговор. Для неё — исключение. Для него — конец иллюзии контроля. Для их хрупкого, едва наметившегося перемирия — точка невозврата.

Он донёс её до комнаты, толкнул плечом дверь. Положил на кровать. Элли застонала, дёрнулась, повернулась на бок. Одежда задралась, обнажив спину. Джейсон замер. Феникс в полумраке казался не рисунком, а живым существом, вплавленным в плоть. Чёрные перья, красные всполохи у основания крыльев, тень, падающая от лопаток. Но ближе... ближе чернила ложились на неровную поверхность. Шрамы. Тонкие, белые, извилистые линии, пересекающие

крылья, впивающиеся в кожу, как трещины на старом фарфоре. Следы лезвия? Следы ногтей, впившихся в собственную плоть, когда боль становилась невыносимой?

Он медленно опустился на колени у кровати. Пол был холодным. Он знал, что это неправильно. Знал, что вторгается в священное пространство её боли. Но руки двигались сами. Кончики пальцев коснулись края татуировки. Не чтобы коснуться. Чтобы проверить пульс на шее, убедиться, что дышит ровно. Кожа была обжигающе горячей. Под подушечками ощущался не гладкость, а рельеф выживания. Каждый рубец — глава. Каждая линия — крик, который она не могла выпустить наружу.

— Больно... — прошептала Элли во сне. Губы дрогнули. Джейсон отдернул руку, словно обжётся. Но через секунду коснулся снова. Легче. Едва касаясь краем ладони, поправляя одеяло, закрывая спину. Будто глядя раненую птицу, которая могла рассыпаться в пепел от лишнего давления. — Я здесь, — выдохнул он. Так тихо, что звук растворился в темноте.

Элли повернула голову. Щека прижалась к подушке, глаза остались закрытыми, но ресницы часто-часто затрепетали. — Он горит... — пробормотала она, и в голосе прорезался детский, ломкий страх. — Пепел... он липнет к коже... не счистить... — Это просто сон, — ответил Джейсон, и его голос стал якорем в её хаосе. — Ты в безопасности. Здесь нет огня. Только тишина. — Я не хочу сгорать опять... — выдохнула она, и по щеке скатилась слеза, мгновенно впитавшаяся в наволочку. — Хочу летать... но крылья... крылья слишком тяжёлые...

Джейсон сжал челюсти так, что заскрипели зубы. В горле встал ком, острый и горячий, но он проглотил его. Не сейчас. Не при ней. Он понял вдруг: феникс для неё — не символ возрождения. Это шрам. Это напоминание о том, что пепел не исчезает. Он оседает в лёгких. Он остаётся в костях. Она не восстала из пепла — она научилась дышать им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.